

Л. А. Чарская

Люда Влассовская

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 82-3
ББК 84

Л. А. Чарская

Люда Влассовская / Л. А. Чарская – М.: Книга по Требованию, 2011. – 152 с.

ISBN 978-5-4241-1906-4

Лидия Алексеевна Чарская (Чурилова) - детская писательница, повестями, стихами, рассказами и сказками которой зачитывалось не одно поколение детей. Она успевала не только писать (за пятнадцать лет вышло восемьдесят ее книг), но и играть на сцене Александрийского театра в Петербурге, где проработала четверть века. Писательская судьба Лидии Алексеевны печальна: ее произведения неоднократно подвергались разгромной критике, после 1917 года перестали печатать книги Чарской, а затем и вовсе их запретили и изъяли из библиотек. Тем не менее на протяжении всей своей жизни она оставалась одной из самых популярных и востребованных писательниц, затронувшей в своих произведениях проблемы богатства и бедности, красоты и уродства, жизни и смерти.

ISBN 978-5-4241-1906-4

© Издание на русском языке, оформление, «
YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «
Книга по Требованию», 2011

Лидия Алексеевна Чарская.
Люда Влассовская.

* ЧАСТЬ ПЕРВАЯ *

В институтских стенах.

ГЛАВА I

Выпускные. Сон Маруси Запольской.

Дребезжащий, пронзительный звон колокольчика разбудил старшеклассниц. Я подняла голову с подушки и заспанными глазами огляделась кругом.

Большая спальня, с громадными окнами, завешанными зелеными драпировками, четыре ряда кроватей с чехлами на спинках, высокое трюмо в углу – все это живо напоминало мне о том, что я выпускная. Такая роскошь, как чехлы на спинках кроватей, драпировки и трюмо, допускалась только в дортуаре старшеклассниц. Одни выпускные воспитанницы да пепиньрки имели право пользоваться некоторым комфортом в нашем учебном заведении.

Маруся Запольская, спавшая рядом со мною, высунула свою огненно-красную маковку из-под одеяла и пропищала тоненьким голоском:

– С переходом в выпускные честь имею поздравить, mesdam'очки!

Я быстро вскочила с постели...

Только теперь, при воспоминании о том, что я выпускная и что мне остается провести всего лишь один год в институте, я поняла, что шесть лет институтской жизни промчались быстро, как сон.

За эти шесть лет у нас почти ничего не изменилось. Мои подруги по классу были почти все те же, что и в год моего поступления в институт. Начальница, Маман, была та же представительная, гордая и красивая старая княгиня. По-прежнему мы дружно ненавидели нашу французскую классную даму m-lle Арно, которую мы, еще будучи «седьмушками», прозвали Пугачом за ее бессердечие и жестокость, и боготворили немецкую – Fraulein Генинг. По-прежнему обожали учителей и если не бегали за старшими воспитанницами, то потому только, что этими старшими оказывались мы сами. Но зато мы снисходительно поощряли наших ревностных обожательниц – «младших». Да и сама я мало изменилась за этот срок. Только мои иссиня-черные кудри, давшие мне со стороны подруг прозвище Галочки, значительно отросли за эти шесть лет и лежали теперь двумя свитыми глянцевыми толстыми косами на затылке. Да смуглое лицо потеряло свою детскую округлость и приобрело новое выражение сдержанной сосредоточенности, почти грусти.

Моей закадычной подругой была Маруся Запольская, спавшая со мною рядом, сидевшая со мною на одной скамейке в классе и в столовой, делившая со мною все занятия и досуги – словом, не разлучавшаяся со мной за все шесть лет институтской жизни...

– С переходом в выпускные, mesdam'очки, – говорила теперь эта самая Маруся, шая и дурачась.

Но «mesdam'очки» и не обратили внимания на писк Краснушки и, проворно накидывая на себя холщовые юбочки, спешили в умывальную, находившуюся рядом с дортуаром.

– Вставай, Краснушка, – советовала я моему другу, – а то опоздаешь на молитву.

– Ах, Люда! Какой сон я видела, если б ты знала! – проговорила она, сладко

потягиваясь и устремляя на меня свои большие темно-карие глаза, с загоревшимися золотистыми искорками в расширенных зрачках.

Краснушку нельзя было назвать красавицей вроде Вали Лер и Анны Вольской – самых хорошеньких девочек нашего класса, – но золотые искорки в глазах Краснушки, ее собольиные брови, резко выделявшиеся на мраморной белизне лица, алый, всегда полураскрытый ротик и огненно-красная кудрявая головка были до того оригинальны и необыкновенны, что надолго приковывали к себе взгляды.

– Что же ты видела, Маруся? – спросила я ее, невольно любуясь ее белым личиком с пышущим на нем румянцем от сна. – Что ты видела?

– Ах, это было так хорошо! – вскричала она со свойственно ей горячностью. – Ты представь только: широкая арена... знаешь, вроде арены римского Колизея... или нет, даже это и был Колизей. Да-да, Колизей, наверное! Кругом народ, много, много народу!.. И сам Нерон среди них!.. Важный, страшный, жестокий... А я на арене, и не только я – многие наши, и ты, и Миля Корбина, и Додо Муравьева, и Валентина – словом, полкласса... Мы осуждены на растерзание львам за то, что мы христианки...

– Душка, не слушай ее, – послышался сзади меня голос Мани Ивановой, всегда насмешливо относившейся к фантастическим бредням моей восторженной подруги, – не слушай ее, Галочка: она никакого Колизея не видела, а просто рассказывает тебе главу из повести, которую вчера прочла...

– Ах, молчи, пожалуйста, что ты понимаешь! – осадила ее Маруся, не удостоив даже взглядом непрошеную обличительницу. – Слушай, Галочка, – продолжала она с жаром, – нас окружали воины с длинными копьями и мечами в руках, а у ног наших лежали цветы, брошенные из лож первыми патрицианками города... Нерон сделал знак рукою... и невидимая музыка заиграла какую-то печальную мелодию...

– Ах, как хорошо! – вскричала незаметно подошедшая к нам миловидная блондиночка с мечтательной головкой, Миля Корбина, любительница всего фантастического и необыкновенного.

– Дверь, ведущая в клетку зверей, – невозмутимо продолжала Краснушка,

– должна была тотчас же открыться, как вдруг Нерон, остановившись на мне взором, произнес: «Хочешь спасти себя и своих друзей?» – «Хочу!» – ответчала я смело. «Тогда ты должна сложить мне песню, тотчас же, не сходя с арены, но такую прекрасную, за которую я бы мог даровать тебе жизнь».

– И что же? Ты спела? – с загоревшимися глазами спросила Миля, подвинувшись почти вплотную к постели рассказчицы.

– Постой, не забегай вперед! – отрезала Милю Маруся. – Слушайте дальше!.. Мне подали лютню, всю увитую цветами... Я окинула цирк взглядом и, остановив мои глаза на императоре, запела. Я не помню, о чем я пела во сне, но это было что-то такое хорошее, такое чудесное и поэтичное, что сам Нерон смягчился душою и бросил мне лавровый венок на арену и объявил свободу и жизнь всем христианкам.

– Ах, как хорошо! – замирая от восторга, прошептала Миля. – Дай мне тебя поцеловать, душка, за то, что ты всегда видишь такие поэтичные сны!

– Ты плохо знаешь историю, Запольская. Нерон никогда не миловал христиан, отданных на растерзание! – послышалось насмешливое замечание хорошенькой

Лер.

Но Маруся, как говорится, и бровью не повела.

– Таня Петровская, Таня Петровская, – остановила она проходившую мимо нее черноволосяю и рябоватую девушку с нездоровым цветом лица, слышную среди выпускных за отгядицу и в то же время самую религиозную из всех, – как ты думаешь, что мог бы означать мой сон?

– Это нехороший сон, Краснушка, – самым серьезным тоном произнесла Петровская, заплетая длинную, доходившую ей почти до пят и тоненькую, как у китайца, косу, – нехороший сон, душка, – присаживаясь в ногах Марусиной постели, повторила она. – Хорошо читать стихи во сне – значит плохо отвечать на уроке; лавровый же венок – значит нуль. Я уже это заметила, как кто лавры во сне увидит – сейчас лавровый венок без листьев, откуда ни возьмись, в журнале.

– Ну вот еще! – недовольно протянула Маруся, не удовлетворенная таким простым толкованием своего поэтического сна. – Мы – выпускные, нам нулей не посмеют ставить.

– Выпускные! – радостно подхватила Бельская, маленькая, кругленькая толстушка с вихрастой белобрысой головой, отъявленная шалунья, за шалости получившая прозвание Разбойника. – Mesdam'очки, мы выпускные. Подумайте только: 296 дней до выпуска осталось! Только 296 дней! Я от радости, кажется, сейчас на шею Арношке кинусь! Ей-Богу!

– Маруся! Краснушка! Сумасшедшая! Ты еще не вставала! Пять минут до звонка! Ведь сегодня французское дежурство, ты забыла, несчастная!

Это говорила необычайно нежным грудным голосом дежурная Чикунина, высокая, полная девушка, прозванная Соловушкой за удивительно звучный и приятный голос.

Варюша Чикунина была недавно выбрана регентом церковного хора и ни днем ни ночью не расставалась с металлическим камертоном, спрятанным у нее за край камлотового форменного лифа. Она была очень счастлива и гордилась возложенной на нее обязанностью.

– И то правда, – паясничая, вскричала Маруся, – девушки, миленькие, погибла моя головушка! Душеньки-подруженьки, помогите мне! – И в то же время она с необычайной ловкостью набрасывала на себя грубую холшовую юбку, заплетала и укладывала на голове свои огненные косы под уродливый ночной чепчик.

Через две минуты Запольская стояла уже на табурете посередине умывальной комнаты и, размахивая зубною щеткою, декламировала:

Спокойно стояла она пред судом,

Свободного Рима гражданка...

– Арношка идет! Пугач идет! Краснушка, спасайся! – неистово завопила, пулей влетая в умывальную, смуглая, черноволосяя, как цыганка, Кира Дергунова, с огромными восточными глазами, так и мечущими молнии.

– Ай! Горе мне! – таким же визгом ответила Маруся и со всех ног кинулась в дортуар, разорвав по дороге все принадлежности для умывания.

ГЛАВА II

На молитву. Новость Сары.

Серьезная не по летам Чикунина, восторженная Миля Корбина и я окружили Краснушку и вмиг преобразили ее. Правда, зеленое камлотовое институтское

платье плохо сходилось сзади, не застегнутое на несколько крючков; передник сидел косо, пелерина съехала набок, но Краснушка была все-таки готова в ту самую минуту, когда в дверях дортуара показалась высокая и прямая, как палка, фигура нашей французской классной дамы.

В синем форменном платье, с тщательно уложенными по обе стороны прямого, как ниточка, пробора волосами, с длинным носом, пригнутым книзу и служащим мишенью для насмешек всего института, – m-lle Арно была ненавидима всеми нами. Ее придирчивость, природная сухость и полное отсутствие сердечности не могли привлекать к себе чуткие, податливые на ласку души юных институток. Зато в глазах начальства m-lle Арно была незаменима. Она обладала настоящим полицейским чутьем и выкапывала такие провинности и недочеты во вверенном ей стаде, какие наверное бы укрылись от глаз другой классной дамы. И сейчас, лишь только она успела появиться в дортуаре старших, как мигом заметила, что злополучная Краснушка опоздала, что Маня Иванова одела пелеринку на левую сторону, а прелестная, голубоглазая и изящная красавица Лер, страшная кокетка и щеголиха, выпустила с левой стороны лба злодейский маленький кудрявый завиток, что строго преследовалось в институте.

– Mesdames! – произнесла Арно резким, неприятным голосом. – Прежде чем спускаться вниз на молитву, я должна напомнить вам о ваших обязанностях. Вы перешли с Божьей помощью, – при этих словах она молитвенно подняла глаза к потолку, – в последний, выпускной класс, и теперь, так сказать, вы делаетесь представительницами целого института. На вас будут обращены взгляды всего учебного заведения; помните, что вы должны явиться примером для всех остальных классов...

– Ну, пошла-поехала, – сокрушенно произнесла Маня Иванова, – теперь начнется, наверное, бесконечная нотация, не успеешь и в кухню сходить...

В кухню ходили каждое утро три дежурные по алфавиту воспитанницы осматривать провизию – с целью приучаться исподволь к роли будущих хозяек. Эта обязанность была особенно приятной, так как мы выносили из кухни всевозможные вкусные вещи, вроде наструганного кусочками сырого мяса, которое охотно ели с солью и хлебом, или горячих картофелин, а порой в немецкое дежурство (немецкая классная дама была особенно добра и снисходительна) приносили оттуда кочерыжки от кочней капусты, репу, брюкву и морковь. Немудрено, что Маня Иванова – страшная лакомка – так сокрушалась, теряя возможность, благодаря длинной речи Арно, попасть на кухню. А Маня очень любила туда ходить, потому что старший повар, Кузьма Иванович, особенно благоволил к ней за ее необыкновенный аппетит и награждал ее с исключительным усердием и зеленью, и мясом, а иногда даже яйцами и сахаром, из которых Маня мастерски готовила вкусный гоголь-моголь.

Наконец m-lle Арно окончила свою речь, и мы, построившись парами, вышли из дортуара.

В столовой – длинной, мрачной комнате первого этажа – все классы были уже в сборе. Среди зеленых камлотовых форменных платьев и белых передников институток там и сям мелькали цветные, темные и светлые незатейливые и нарядные платьица новеньких, поступивших в разные классы. Весь седьмой класс состоял исключительно из них. Робкие, по большей части взволнованные личики новеньких приковывали общее внимание, которое еще более смущало малень-

ких девочек, впервые очутившихся в чуждой для них обстановке.

Прозвучавший звонок напомнил о молитве. Все воспитанницы поднялись со своих мест и, обернувшись спинами к входной двери, устремили глаза на маленький образок, висевший на самом верху дощатой перегородки, отделяющей столовую от буфетной.

Дежурная Чикунина вышла на середину комнаты с молитвенником в руках и начала своим чудным грудным голосом: «Во Имя Отца и Сына и Святого Духа». За этим вступлением следовал целый ряд молитв. Додо Муравьева, наша вторая ученица (я считалась первою по классу все семь лет, проведенные мною в институте), прочла несколько стихов из Евангелия; воспитанницы стройным хором пропели молитву за государя, после чего все разместились за длинными столами, по десяти человек за каждым, и принялись за чай.

– Знаете, душки, я вам скажу одну вещичку! Только, чур, никому ни слова, чтобы наш стол только и знал, – неожиданно произнесла тоненькая, быстроглазая девочка Сара Хованская, обращаясь к девяти остальным, занимавшим стол старшего класса.

– Говори, только не ври! – круто оборвала Хованскую всегда несколько резкая на язык смуглянка Дергунова.

Сара Хованская любила прихвастнуть немного, признавая в себе эту слабость, ничуть не обиделась на замечание Киры.

– Ей-Богу, не совру, душка! – обещала она и в подтверждение своих слов быстро перекрестилась.

– Ну ладно, тогда выкладывай, – милостиво разрешила Дергунова, уставившись на нее своими цыганскими глазами.

– Дело в том, mesdam'очки, – обрадованная общим вниманием, заговорила Сара, – что у нас в выпускном классе скоро будет новенькая!

– Вот глупости, – вскричала Маня Иванова, спокойно до этого уплетавшая черствую институтскую булку, – вот чепуха-то! Институтское правило запрещает принимать новеньких в выпускной класс...

– Ах, молчи, пожалуйста, ты ничего не знаешь! – рассердилась Хованская, не любившая Маню. – Это для простых смертных не допускается, а будущая новенькая – важная аристократка и училась где-то в Париже и сюда поступит только проверить свои знания и приучиться к русскому языку... Она страшная, говорят, богачиха.

– Душка Хованская, – выскочила Бельская, – скажи мне по секрету, откуда ты это узнала?

– Очень просто. Мне передала Крошка, а ей говорила ее тетка – инспектриса.

– И это правда? – усомнилась Краснушка, сидевшая о бок со мною за чайным столом.

– Ей-Богу, правда, mesdam'очки! – еще раз перекрестилась Хованская на видневшийся в отдалении образ.

– Сара, не божись! На том свете ответишь! – с укором произнесла Танюша Петровская – самая богобоязненная и религиозная девочка из всего класса.

– Ну уж тебе-то, гадалке и прорицательнице, хуже достанется! – оборвала ее Сара.

– Душки, не грызитесь! – примиряющим тоном проговорила Миля Корбина, не выносившая никаких ссор и неурядиц между «своими».

– Mesdames! Вы являетесь, так сказать, представительницами целого института! На вас обращены глаза всего заведения, и вы должны служить ему примером... – произнесла с расстановкою Краснушка и, неожиданно сморщив свое беленькое личико в забавную гримасу, стала вдруг до смешного похожа на Арно.

– Ах, Маруся! Вот чудесно! Еще, душка, еще! – заливаясь веселым смехом, приставали к ней подружки.

Я одна не смеялась: в моей памяти еще слишком живо стояло неприятное происшествие с тою же Краснушкою, когда она, увлекшись такой же, как сейчас, проделкой, не заметила подкравшейся сзади mademoiselle Арно, была уличена ею и оставлена без передника в наказание за «непочтение к старшим».

– Перестань, Маруся! – урезонивала я мою расшалившуюся подругу. – Ну что за охота получать выговоры, право!

– Ах, Галочка, ты всегда помешаешь моему веселью! – с досадой произнесла она. – Всегда во всем найдешь что-нибудь нехорошее... Знаешь ли, Люда, – помолчав немного, добавила она уже мягче, – мне кажется иногда, что ты слишком уж хороша для меня и что я недостойна быть подругой такой «тихони» и «парфетки», как ты... Тебе куда полезнее было бы дружить с нашими «сливками» – Додо Муравьевой, Варюшей Чикунинной, Вольской, Зот и пр., и пр., и пр.

– Ты думаешь? – с улыбкой взглянув ей пристально в глаза, спросила я.

– О, Люда! Галочка моя милая! Хохлушечка моя несравненная! – вдруг, вскакивая со своего места и бросаясь мне на шею, захлебываясь, вскричала она. – Не смотри ты на меня с таким укором, Людочка! Не буду! Не буду! Ведь знаю, что я дороже тебе всех наших «парфеток» и умниц.

И она покрывала горячими поцелуями все лицо мое, глаза и губы.

Странная, необузданная, но на диво славная девочка была эта Краснушка!

ГЛАВА III

Дядя Гри-Гри и математика. Маленькие невзгоды

Сегодняшний день был началом классных занятий.

Поднявшись во второй этаж и пройдя бесконечно длинным коридором, мы вошли в класс, на дверной доске которого чернела римская цифра I. Заветная, давножданная цифра! В продолжение долгих шести лет институтской жизни сколько надежд и грез было обращено к последнему, выпускному году, к последнему, старшему классу, который служил преддверием будущей свободной, вольной жизни!..

До сегодняшнего дня мы считались еще младшими и все лето помещались в нашем II классе, несмотря на выдержанные весною переходные экзамены, а желанный I класс оставался пустым и закрытым на ключ. Но сегодня, лишь только мы вступили в коридор старшей половины, где помещались два отделения пепиньерок и два старших класса, мы увидели двери нашего будущего помещения гостеприимно открытыми настезь.

Не без радостного трепета вошли мы туда. Комната выходила окнами на улицу. Но к этому обстоятельству мы уже привыкли в предыдущие годы, так как, начиная с IV класса, ежегодно занимали помещения, выходившие на улицу.

– Ах, душки, солнышко! – наивно обрадовалась миниатюрная и болезненная на вид Надя Федорова, всегда приходившая в умиление кстаги и нектаги.

Действительно, солнце светило всюю, желая как будто поздравить нас с но-

восельем. Оно заливало ярким светом белоснежный потолок класса, его красивые, выкрашенные в голубую масляную краску стены, громоздкую кафедру, черные доски и бесчисленные карты всех частей света и государств мира, тщательно развешанные по стенам.

– Как это странно, mesdam'очки! – произнесла Миля Корбина, устремляя в окно свои всегда мечтательные глазки. – Как это странно! Вчера еще мы слонялись по саду и шалили сколько душе было угодно, а сегодня снова занятия, классы, звонки, съехавшиеся институтки и вся по-старому заведенная машина.

– А я, признаться, рада, душки, что лето миновало, – вставила свое слово быстроглазая Кира, – в учење время скорее пролетает до выпуска...

– Mesdames, prenez vos places (сядьте на место)! – раздался в наших ушах неприятный, пронзительный голос m-lle Арно, – monsieur Вацель, va rentrer a l'instant (немедленно возвращайтесь).

– Неужели пришел? – с сожалением произнесла Бельская. – Ах, душки, – обратилась она сокрушенно к классу, – не ожидала я от дяди Гри-Гри такой подлости, право: пришел аккуратно в первый же урок.

Как бы в подтверждение ее слов прозвучал звонок в коридоре, классная дверь широко распахнулась, и могучая, плотная фигура с громадной, львинообразною головою, покрытой густой гривой черной растительности, ввалилась в класс.

– Здравствуйте, старые знакомые, хозяйюшки и умницы, – прогремел над нами сильный и мощный бас нашего общего любимца Григория Григорьевича Вацеля, преподавателя геометрии и арифметики в старших классах.

Совсем особенный человек и совсем особенный учитель был этот «дядя Гри-Гри», как мы его называли. И манера преподавания у него была совсем особенная. Его уроки проходили всегда не иначе как с шутками, прибаутками, смехом и остротами. Он говорил о самых скучных предметах с самой подкупающей веселостью. За все семь лет я не помню, чтобы у него хоть раз было скучающее лицо на уроке или даже чтобы он задумался когда-нибудь на минуту. Свою математику он любил больше всего на свете и о цифрах, правилах и задачах говорил так же нежно, как о собственных детях.

В его уроки шум и гвалт в классе стояли всегда невообразимые. Воспитанницы вскакивали со своих мест, окружали кафедру, вспрыгивали на попитры, чтобы лучше увидеть решение задач на досках и услышать объяснения учителя. Классные дамы давно потеряли надежду на восстановление дисциплины, отсутствующей на уроках Вацеля, и махнули на него рукой. Они старались даже не присутствовать во время его класса, зная всю бесполезность их замечаний, так как дядя Гри-Гри был горячим защитником девочек, и являлись только по звонку, возвещающему об окончании урока.

– И отлично, – встряхивая своею черною гривую, восклицал дядя Гри-Гри, когда шепетильная m-lle Арно, презрительно поджимая губы, удалялась с его урока, унося с собою рабочую корзиночку с ее бесконечным вязаньем, – мы и без полиции обойдемся. Только вы меня не съешьте, девицы, из лишнего усердия, – добавлял он с комической гримасой, поднимавшей целый взрыв хохота.

С веселым хохотом решались у нас труднейшие теоремы и самые запутанные задачи, до которых Вацель был, к слову сказать, большой охотник. Лени, рассеянности, невнимания он не переносил. В минуты гнева он был положительно страшен.

– Вздор мелете, околесицу несете, синьорина вы моя прекрасная! – напускался он грозно на ленивую воспитанницу, выпучивая при этом свои изжелта-карие круглые глаза и вращая ими во все стороны. – Вам не задачи решать, а хозяйством заниматься за кофеи пить надо, вот что-с. Пожалуйте-кась в «Камчатку» да отдохните за кофейком! Стыдно-с вам! Стыдно!

И злосчастная синьорина покорно направлялась в «Камчатку» (так у нас назывались последние скамейки в классе), заранее зная, что в журнальной клетке против ее фамилии к концу урока водворится «сбавка».

Манера ставить баллы у Вацеля была совсем исключительная. Он не признавал никаких границ в этом направлении. Если ученица при переходе из класса в класс имела, положим, восьмерку, то за первый же порядочный ответ он делал ей прибавку на один балл и ставил девять. Еще удачный ответ – еще прибавка и т.д. Плохо отвечала воспитанница – ей делалась сбавка на балл; вторичный плохой ответ – новая сбавка, и, таким образом, сбавки доходили до нуля. Когда же сбавлять оставалось не с чего, неумолимый в таких случаях Вацель выстраивал целую шеренгу нулей до тех пор, пока лентяйка не одумывалась и, взявшись за ум, не награждала математика более удачным ответом. Тогда начинались прибавки, которые могли идти без конца, достигая крупных цифр, переходящих за сто. За среднюю отметку бралась последняя цифра, конечно если она не превышала двенадцати баллов.

Девочкам, получившим 105 и 106 и т.д. баллов, Вацель выводил в среднем 12 и при этом шутил добродушно:

– Эх-ма! Под горку-то как покатила моя умница!

Его боялись, но любили за его крайнюю справедливость. Начальство снисходительно относилось к его чудачествам и смотрело на них сквозь пальцы, потому что Вацель считался знатоком своего дела и был очень популярен среди учебного и педагогического мира.

Сегодня дядя Гри-Гри пришел к нам в особенно приятном и веселом расположении духа.

– Ну, вот вы и большие девицы, – шутил он, с трудом взгромождаясь на кафедре своей тяжелой, гигантской фигурой. – Радуюсь за вас, синьорины мои милые, кофейницы мои и умницы! (Кофейницами и хозяйшками дядя Гри-Гри называл лентяек, умницами – прилежных.) Поди теперь и сбавок нельзя будет делать... Загрызете!

– А у нас, Григорий Григорьевич, новость! – неожиданно «вылетела» Бельская, метнув предварительный взгляд на пустующее место классной дамы. – Новенькая к нам в класс поступит!

– Ну? – удивленно протянул Вацель, взявший было перо в руки, чтобы расписаться в классном журнале.

Но Белке не пришлось ответить, так как ее соседка – смуглянка Кира – так сильно дернула ее за конец передника, что она разом шлепнулась на место.

– Ты, душка, дура! – ожесточенно зашептала Кира. – Разве можно говорить про это?

– А что? – искренно удивилась Белка.

– Батюшки, да она рехнулась! – окончательно возмущившись, негодовала Кира. – Ведь это тайна, глупая! Ведь Саре Крошка сказала по секрету, значит, это тайна! А ты выдала Сару.